

Общественная благотворительность в отношении беспризорных детей на Урале в первой половине 1920-х гг.

Послевоенная ситуация и разруха экономики самым губительным образом отразились в начале 1920-х гг. на детях, часть которых оказалась оторванной от семьи и школы, потеряла родителей, стала на путь беспризорности и преступлений. На протяжении 1920-х гг. количество беспризорных определить было крайне сложно, так как сюда частично относились и голодающие, и беспризорные дети. Кроме того, в силу своего положения беспризорные постоянно передвигались по стране, нередко регистрируясь в нескольких местах. По примерным данным Деткомиссии при ВЦИК на 1921–1922 гг., в стране насчитывалось до 7 млн. беспризорных детей [6, л. 16].

Государственная политика, проводимая в первые годы нэпа, отнюдь не способствовала быстрому урегулированию экономической обстановки. Установление твердого государственного бюджета, режима экономии, принципа покрытия местных расходов местными же средствами явилось тяжелым ударом для всей социальной сферы.

Рост числа беспризорных и безнадзорных детей потребовал целенаправленных и энергичных действий со стороны общественности. В первую очередь необходимо было заняться улучшением жизни и быта детей в детских учреждениях. В этот период существовали детские дома, ночлежки, клубы для беспризорных, прежде всего правонарушителей, трудовые коммуны и др.

Очень остро стояла проблема содержания функционировавшей сети детских домов. Так если в 1921 г. по РСФСР насчитывалось 4052 детских дома для нормальных детей, то в 1922 г. их уже стало 6412 [12, с. 24–25]. На Урале особенно заметен рост детских учреждений с 1920 г. По официальным данным в 1920–1921 хоз. г. насчитывалось 355 детских домов, где содержалось 11676 детей; в 1921–1922 г. их было уже 584 (увеличение на 60 %) с 30429 детьми (на 38 %) [16, с. 35]. Это требовало дополнительных финансовых затрат. Перевод их финансирования на местный бюджет свели медико-социальные и воспитательные задачи, стоявшие перед детскими домами, до уровня борьбы детских домов за выживание.

Как показало всероссийское обследование детских учреждений, произведенное в 1921 г. Деткомиссией при ВЦИК, повсеместно условия жизни в детских домах были ужасными. Во многих детских учреждениях отсутствовало белье, обувь, одежда. Особенно сложно в детских домах решался продовольственный вопрос. Норма питания детей

в день (на 1921 г.) в Екатеринбурге была: хлеба – полфунта (200 гр.) на ребенка, консервов – 1 банка на 8 чел., сахара – 2 золотника (8,5 гр.) на человека, сгущенного молока – 1 банка на 10 чел., муки – 6 золотников (25,6 гр. – на лашу), соли – 2 золотника, бисквита – 1 банка, какао – 1 золотник (2,26 гр.) [25, л. 115]. В других округах положение было не лучше [3, л. 162; 11, л. 146; 14, л. 13].

Учебно-воспитательная работа в детских домах находилась на низком уровне, поскольку основные усилия были направлены на удовлетворение потребностей в питании и одежде; кроме этого, в силу большой загруженности в детских домах находились вместе «морально-дефективные» и нормальные дети.

Тяжелое состояние детских домов способствовало развитию среди детей различных болезней. В Миасском Детском городке Златоустовского округа из 1240 детей были больны 850, из них 73 % заражены глазными болезнями так, что здесь находилась «как бы специальная фабрикация слепых» [9, л. 208об.]. При обследовании Сухоложской детской трудовой коммуны с января по июнь 1924 г. по заболеваниям преобладали: трахома (483 больных), туберкулез (300), чесотка (234) и малярия (89) [9, л. 209]. В Уральской области имелись также специальные дома для детей, больных сифилисом (в Перми, Свердловске, Нижнем Тагиле, Кургане). Но лечение этих болезней осложнялось недостаточным количеством белья и теплой одежды.

По итогам всероссийского обследования детских учреждений был сделан вывод, что «дело детского воспитания и обеспечения на всем протяжении РСФСР находится в чрезвычайно угрожающем положении» [1, с. 44]. Причем было известно, что дело обстоит плохо, но масштаб катастрофы в этой области не был известен. Именно поэтому общественность и центральные власти стали предпринимать конкретные действия для изменения сложившейся ситуации в системе социальной защиты детей, приспособления социальной сферы к новым экономическим условиям.

Во всех областях Урала проводились различные общественные акции для сбора средств в помощь детским домам и на борьбу с беспризорностью, а именно: «недели помощи беспризорному ребенку», «недели помощи голодающим» и т. п., а также практиковались разовые отчисления с зарплаток рабочих и служащих и адресные денежные сборы. Например, праздник 8 Марта («Международный день работницы») в 1923 г. проводился под лозунгом «Союз работниц и крестьянок с детскими учреждениями», одним из направлений мероприятий являлась помощь беспризорным детям. Предполагалось приурочить выпуск из детских домов девочек, с устройством их на работу на фабрики; во всех детских домах должно было быть, по возможности, улучшено

питание, для беспризорных детей предполагалось открыть в этот день ночлежку. «Если же осуществить подобные мероприятия не удастся, то необходимо в этот день собрать с рынков, вокзалов и улиц всех беспризорных, накормить их, сводить в кино, или устроить для них вечер – спектакль» [10, л. 58–59], – отмечалось в циркуляре УралОНО.

Екатеринбургская окружная деткомиссия ВЦИК для получения средств на борьбу с детской беспризорностью производила сборы за вход в пивные, кафе, рестораны, за игру на бильярде и на тотализаторе. Всего с 1 марта по 25 октября 1924 г. Деткомиссия ВЦИК получила доходов 57936 р. 4 к., в том числе: от реализации печатных изданий было получено 1612 р. 32 к.; доход от местных сборов составил 52438 р. 86 к.; отчисления рабочих и служащих в пользу деткомиссии составили 2437 р. 61 к.); от реализации бесхозного имущества было выручено 454 р. 75 к.; от работы лотерейного киоска – 992 р. 50 к.) [8, л. 7]. Кроме этого, по постановлению ВЦИК и СНК РСФСР № 3173, «все спектакли, концерты, вечера, устраиваемые Комиссией по улучшению жизни детей при ВЦИК в целях извлечения средств, освобождаются от уплаты всех налогов и сборов, как государственных, так и местных» [8, л. 131].

Комсомольская и пионерская организации, по мере возможности, оказывали помощь беспризорным детям, в частности занимались профилактической работой (вели учет в своем квартале сирот, детей-бездарных), помогали социальной инспекции и комиссиям по делам несовершеннолетних в приемниках, ночлежках и колониях, организовывали работу в местах скопления беспризорных [20, л. 10].

В начале 1920-х гг. к социальным бедствиям добавилось еще и стихийное – небывалая засуха в хлебопроизводящих губерниях Поволжья и Приуралья, Северного Кавказа и Украины. Масштабы ее были столь значительными, что затронули не только районы, пострадавшие от неурожая, но существенно отразились на жизнедеятельности всей страны. Положение в областях, охваченных голодом, было действительно угрожающим. Более 20 млн чел. находились на грани вымирания и нуждались в неотложной помощи. К весне 1922 г. число умерших от голода превысило 1 млн чел. Смертность среди детей грудного возраста доходила до 95 % [5, л. 16].

В зону голода попал практически и весь Урал. Наступление голода было вызвано комплексом факторов. К ним относятся сокращение посевов, вызванное призывом крестьян в действующую армию, почвенная засуха, продовольственная разверстка. Не могли не сказаться и такие моменты, как общая разруха страны и как следствие – обнищание деревни.

Голод на Урале стал ощущаться уже с осени 1921 г., но полная катастрофа наступила в следующем 1922 г. О размерах бедствия свиде-

тельствуют следующие данные. В апреле 1922 г. в Екатеринбургской губернии голодало 652896 чел., что составляло более 50 % населения, к июлю число голодающих возросло до 795319 чел. В Челябинской губернии в марте 1922 г. голодало 709618 чел., в мае их было уже 885065 чел. (66 % населения) [7, л. 8; 14, л. 11]. В Пермской губернии, например, число голодающих на 1 июня 1922 г. составляло 469811 чел. [4, л. 79]. Кроме этого, Екатеринбург, Пермь и Челябинск являлись крупными железнодорожными станциями, куда массово прибывали сотни беспризорников.

Примером заботы о детях со стороны общественности стали проводимые Недели помощи голодающим детям, где активное участие приняли делегатки губженотдела, они проводили массовые субботники, собирали пожертвования продуктами, мануфактурой, книгами, денежными отчислениями [26, л. 90]. Например, в Оханском уезде Пермской губернии летом 1920 г. за Неделю ребенка было организовано 2 детских сада, 16 детских площадок и 20 яслей [2, л. 29]. На летнее время в дачных местностях по инициативе отделов народного образования и здравоохранения организовывались детские колонии и лечебно-профилактические заведения [18]. На Талицком заводе жертвовали вещами, продуктами, одеждой и деньгами. Комиссия по проведению Недели ребенка приняла ряд мер к улучшению существующих при заводе 4 детских домов, детского сада и яслей. В работе принимали участие ученические коллективы школы 1 и 2 ступени. Собрание профсоюзов приняло решение об отчислении однодневного заработка в фонд Недели [19]. В Красноуфимске к Неделе ребенка все сапожные мастерские выпустили 200 пар обуви для детей, а для детей деревни были отправлены сладости [23, л. 50об.]. В Челябинске хорошие результаты дала проведенная с 1 по 15 апреля 1922 г. лотерея в пользу беспризорных на сумму 15 млрд. р., которая дала 5 млрд. р. чистого дохода [13, л. 26].

Рабочие и служащие на своих собраниях принимали решения о денежном и натуральном отчислениях в фонд помощи голодающим детям. В Кургане для снабжения детских столовых каждый житель должен был отчислить «определенное количество фунтов с пуда урожая, как бы этот урожай не был ничтожен» [17, с. 100]. Чтобы помочь детям, вводили даже «денежное обложение всех без исключения граждан, участвующих в жизни города», все идущие и едущие по улицам 29, 30, 31 декабря должны были заплатить налог» [17, с. 100].

Эффективность работы Советов по социальному обеспечению во многом повышалась благодаря участию женщин. При отделах социального обеспечения, труда, народного образования создавались комиссии делегатов-работниц по охране материнства и младенчества, снабжению детей молоком, одеждой, обувью, созданию детских яслей,

детдомов и т. д. [4, л. 39] Так, при помощи Екатеринбургского губернского отдела работниц в 1920 г. было открыто 7 детских домов, приют, детский сад и ясли [22, л. 1]. Работниц и крестьянок привлекали к работе в подотделах правовой защиты несовершеннолетних в качестве практиканток. Например, в Детской инспекции они выполняли обязанности сестер социальной помощи; наблюдали за несовершеннолетними в публичных местах, на станциях железной дороги, направляя беспризорных детей в приемные пункты [21, л. 79]. В детских домах делегатки женотдела участвовали в его плановой работе, беседовали с преподавателями и техническим персоналом [28, л. 43].

Несмотря на предпринимаемые меры по ликвидации последствий голода и детской беспризорности советское государство вынуждено было обратиться за помощью к другим государствам. С конца 1921 г. стали поступать предложения от ряда стран (Чехословакии, Германии, Англии и др.) об эвакуации детей за границу. Кроме того, международные общественные организации (Международный союз помощи детям, квакеры, английские тред-юнионы и др.) стали оказывать значительную продуктивную помощь. В общей сложности этой помощью было охвачено в начале 1922 г. 1,4 млн детей [5, л. 31], а к весне 1923 г. – 2,3 млн. [5, л. 60]

На территории Урала действовали такие заграничные организации, как Американская административная помощь (АРА). Французский Красный Крест, Харбинский комитет Красного Креста (ДВР), Международный Рабочий Комитет помощи голодающим (Межрабпомгол). Деятельность АРА охватывала все губернии Урала, Французский Красный Крест работал в Екатеринбургской, Пермской и Вятской губерниях, ДВР – в Башкирии и Челябинской губернии, Межрабпомгол – в Пермской и Челябинской губерниях.

Помощь АРА заключалась в обеспечении продовольствием; ежемесячно на довольствии АРА находилось 625 тыс. детей, 7 тыс. больных и беженцев, 750 тыс. взрослых. С мая по октябрь 1922 г. на три голодных уезда было распределено 164 вагона продовольствия. По рыночным ценам Екатеринбургской губернии стоимость предоставленной продовольственной помощи определялась в 400 млн р. К 25 октября 1922 г. на снабжении АРА в Екатеринбургском и Красноуфимском уездах находилось 84 питательных пункта, где питалось 7 тыс. детей, а в Кыштымском районе было отпущено 3200 пайков. Стоимость продовольствия определяется приблизительно в 7336794 р. Кроме продовольствия было распределено по больницам, санаториям и детским домам 5739 одеял, около 4000 кусков простого мыла, 14500 кусков мыла туалетного, 40 детских костюмов [24, л. 79–79об].

В ноябре 1922 г. АРА имела только в Башкирской республике 46 столовых, 138 приютов, в которых питалось 21570 детей. Впоследствии размеры помощи значительно увеличились. В апреле–мае 1923 г. в БАССР работало 465 столовых АРА, где питалось 118478 чел. В докладе ЦИК БАССР III Всебашкирскому съезду Советов отмечалось, что «помощь, оказанная Башкирской республике со стороны АРА, очень значительна, и Башкирия обязана ей спасением жизни многих своих граждан» [15, с. 4].

С августа 1922 г. начал свою работу Французский Красный Крест. Распределение доставляемых им продуктов производилось врачебно-питательными отрядами Русского Красного Креста. В Екатеринбургской губернии продовольствие Французского Красного Креста отпускалось на детские дома и эпидемические койки больницы Губздрава, открывались по мере необходимости столовые. В августе 1922 г. Екатеринбургской губернии для детских столовых было отпущено 3773 пайка, в сентябре – 8438 пайка, в октябре – 11780 пайка. Кроме этого, Французским Красным Крестом было выделено для детских домов: обуви – 2500 пар, костюмов мужских – 3000 шт., чулок – 1000 пар, 32 куса мыла и др. Общая стоимость помощи составила около 100 млн р. [24, л. 79–79об]

Миссией Нансена в Челябинской губернии открыто 138 столовых, где питалось 33100 чел. [24, л. 79об]. От Межрабпомгола по Челябинскому уезду функционировало 4 детских столовых, 22 детских дома, 5 профтехникумов, 2 дома отдыха, 3 больницы; выдавалось пайков взрослым – 1455. От ДВР в Челябинскую губернию доставлен 21 вагон с продовольствием, медикаментами и обмундированием, кроме этого в июне 1922 г. были взяты на попечение 3 тыс. чел. на 3 месяца [27, л. 79об].

Таким образом, одной из сторон нэпа была открытость страны для иностранных вложений, в частности для помощи продуктами, медикаментами и продовольствием. Зарубежные благотворительные организации своей помощью позволили смягчить голод и создать необходимые условия для восстановления сельского хозяйства.

В этот период заметная роль в оказании помощи беспризорным детям принадлежала общественным организациям, в том числе и зарубежным, а также добровольным благотворительным акциям по сбору средств для голодающих и беспризорных детей (Недели ребенка, субботники, лотереи).

Библиографический список

1. Всероссийское обследование детских учреждений: Доклад НК РКИ в Комиссию по улучшению жизни детей при ВЦИК М., 1921.

2. ГАНИОПДПО (Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области). Ф. 557. Оп. 1. Д. 29.
3. ГАПО (Государственный архив Пермской области). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 301.
4. ГАПО. Ф. Р-9. Оп.1. Д. 16.
5. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 168.
6. ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 252.
7. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 7. Оп. 1. Д. 114.
8. ГАСО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 27.
9. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 7.
11. ГАТюО (Государственный архив Тюменской области). Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 7.
12. Народное образование в СССР. Крякий свод статистических данных за 5-летие. 1921-1925 гг. М., 1926.
13. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. П-77. Оп. 1. Д. 656.
14. ОГАЧО. Ф. П-77, Оп. 1. Д. 657.
15. Отчет III-му Всебашкирскому съезду Советов. Июль 1921 – ноябрь 1922 г. Уфа, 1922.
16. Просвещение на Урале. Свердловск, 1927.
17. *Тайболина М.Н.* Не так захваченные природной стихией: Голод 1921–1922 гг. в Курганском уезде Челябинской области // Земля Курганская: прошлое и настоящее: Красведческий сб. Курган, 1993. Вып. 5.
18. Уральский рабочий. 1920. 17 мая.
19. Уральский рабочий. 1920. 29 декабря
20. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 61. Оп. 1. Д. 225.
21. ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 223.
22. ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 224.
23. ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 235.
24. ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 474.
25. ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 688.
26. ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 688.
27. ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 86.
28. ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 355.

М.В. Попов (Екатеринбург)

**Медицинское обслуживание сельского населения
в Уральском регионе в годы довоенных пятилеток
(1928–1941 гг.)**

Несмотря на некоторое улучшение в 1920-е гг. медицинское обслуживание населения деревни в СССР, в том числе на Урале к началу первой пятилетки находилось на низком уровне. В 1927 г. в Уральской